

Летать, подобно Терпсихоре...

ВЕЛИКАЯ БАЛЕРИНА МАЙЯ ПЛИСЕЦКАЯ СКОНЧАЛАСЬ 2 МАЯ, НА 90-м ГОДУ ЖИЗНИ

Причиной смерти стал тяжелый сердечный приступ. Врачи сделали все возможное, но спасти балерину было невозможно.

ОНА БЫЛА ПРЕДНАЗНАЧЕНА БАЛЕТУ

По легенде, первое ее публичное выступление состояло на улицах Москвы, где крошечная рыжеволосая девочка, услышав из репродуктора вальс из балета «Копелия», встала на носочки и закружилась в танце.

События жизни Майя Плисецкая складывались трагически. Ее отец Михаил Плисецкий был арестован и расстрелян в 1938 году. Мать — Рахиль Мессерер — отправили в ссылку в Казахстан. Маленькая Майя могла оказаться в детском доме, но ее удочерила тетя Суламифь Мессерер, солистка Большого театра.

В 1943 году Майя Плисецкая окончила Московское хореографическое училище и сразу была принята в Большой театр. Первая партия — феи Осени в балете Сергея Прокофьева «Золушка» — была исполнена ею в 1945 году. В 1947-м публика рукоплескала ей, когда она вышла на сцену в роли Одетты и Одиллии в «Лебедином озере» Чайковского.

Плисецкая утвердилась в Большом театре в статусе прима-балерины. Она обладала сильным, смелым и независимым характером и не боялась говорить правду даже в советские времена.

Сцену Майя Плисецкая оставила очень поздно, особенно по балетным меркам, — в 65 лет. Но не рассталась с балетом. Она не только давала мастер-классы, но и продолжала танцевать на самых прославленных сценах мира, руководила балетной труппой Римской оперы, Национальным балетом Мадрида. Ей было семьдесят, а она еще заворачивала мир, выступая в миниатюре Фокина «Умирающий лебедь». А в восемьдесят покорила публику, исполняя поставленный для нее Морисом Бежаром номер «Аве Майя».

Майя Плисецкая много и успешно работала с современными хореографами — Роланом Пети, Морисом Бежаром.

Настоящим прорывом стал балет «Кармен-сюита». Он был показан на сцене Большого театра в 1967 году. Поставил балет специально для Майи Плисецкой кубинский хореограф Альберто Алонсо. Балет шокировал советских чиновников своим эротизмом. Известно, что министр культуры Екатерина Фурцева покинула спектакль. Однако запрещать «Кармен-сюиту» не стали. Хотя подвергли некоторой цензуре.

Несколько балетов подарил ей муж — композитор Родион Щедрин: это «Анна Каренина», «Дама с собачкой», «Чайка».

«ТОЛЬКО В ПЕТЕРБУРГЕ ОСТАЛИСЬ ТАКИЕ ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЕ ЛИЦА»

Жили супруги в последние годы на три страны — в Германии, в Мюнхене, в Литве, в своем имении в Тракае, и в Москве, в квартире на Тверской.

При этом много путешествовали. И довольно часто наведывались в Петербург, в частности в Мариинский театр, на репетиции и премьеры опер на музыку Родиона Щедрина. Майя Плисецкая говорила, что Петербург для них с мужем — город особенный, потому что здесь их корни: бабушка самой балерины жила на канале Грибоедова, а бабушка Родиона Щед-

рина училась в Смольном институте благородных девиц.

В интервью, которое балерина дала «Вечёрке» пять лет назад, она говорила, что «только в Петербурге остались такие интеллигентные лица, такая правильная речь, такие манеры».

Многие балеты на музыку Родиона Щедрина, которые Плисецкая так любила, были восстановлены в Мариинском театре: «Кармен-сюита», «Анна Каренина», «Конек-Горбунок».

«Возвращение «Конька-Горбунка» в новой постановке Алексея Ратманского — это очень важная и огромная работа Мариинского театра по отношению к своей любимой публике. «Конек» — это ведь юношеская партитура Щедрина, созданная сегодня одним из лучших молодых хореографов — Ратманским, и его же хореография «Анны Карениной» дают нам возможность сказать, что современные балетные хореографические прочтения могут быть очень интересными», — сказала тогда балерина корреспонденту «ВП».

«ВЫ СЛИШКОМ КРАСИВО ОДЕТЫ. БОГАТО ЖИВЕТЕ?»

Наделенная идеальной фигурой и выразительным лицом, Майя Плисецкая с юных лет с легкостью умела «приручить» любую, самый сложный костюм на сцене. И в обычной жизни она умудрялась одеваться элегантно и модно даже в советскую эпоху, даже в те времена, когда еще была невезедной. Это было очень трудно. Вот как пишет об этом сама балерина в своей книге «Я, Майя Плисецкая»: «Элегантность давалась кровью. Я уже писала, что моя полутеатральная броская одежда была моим бунтом, мятежом, вызовом системе. Даже наши тупоумные вожди чувствовали: что-то здесь неспроста, наряжена как на сцене, не по-нашенски. Это в те годы Хрущев сказал мне с неким укором: «Вы слишком красиво одеты. Богато живете?»

Потом, когда Плисецкую наконец-то выпустили за границу, она познакомилась со многими знаменитыми модельерами, которых вдохновляла грацией и утонченной красотой. Долгие годы преданной и нежной дружбы и творческого сотрудничества связывают ее с Пьером Карденом. После их первой встречи в 1971 году Майя стала музой модельера. «Я твердо знаю, что благодаря костюмам Кардена получили признание мои балеты «Анна Каренина», «Чайка», «Дама с собачкой». Без его утонченной фантазии, достоверно передавшей зрителю аромат эпох Толстого и Чехова, мне не удалось бы осуществить мечту», — пишет балерина в мемуарах. Он создавал для обожаемой Майи одежду не только для сцены, но и для обычной жизни. Она ценила его модели за строгую геометрию линий, которая идеально сочеталась с ее характером и подчеркивала целеустремленность натуры, за шик и элегантность. В 1998-м модельер и балерина создали совместное шоу «Мода и Танец», в котором были представлены ретроспектива балетов Плисецкой и коллекция Кардена. Это шоу привозили и в Петербург, на сцену БКЗ «Октябрьский».

По эскизам другого великого французского модельера — Ива Сен-Лорана — для Майи Плисецкой был создан хитон, в котором она

Прощание с Майей Плисецкой пройдет в Германии, а ее прах, по завещанию, будет развеян над Россией. Об этом сообщил в воскресенье ТАСС гендиректор Большого театра Владимир Урин. «Родион Константинович Щедрин ознакомил меня с той частью их совместного с Майей Михайловной завещания, которая касается порядка прощания и ритуала захоронения, — рассказал Урин. — Последняя воля такова: «Тела наши после смерти сжечь, и когда настанет печальный час ухода из жизни того из нас, кто прожил дольше, или в случае нашей одновременной смерти, оба наши праха соединить воедино и развеять над Россией».

танцевала в балете Ролана Пети «Гибель розы» на музыку Малера.

Историк костюма и моды Александр Васильев сразу откликнулся на горестную весть, написав на своей странице в «Фейсбуке»: «Майя ушла в мае... Мы разговаривали по те-

Подготовила Зинаида АРСЕНЬЕВА
Фото Наталья ЧАЙКИ

«НЕСМОТРЯ НА СВОЕ ВЕЛИЧИЕ, ОНА БЫЛА ОЧЕНЬ ПРОСТА В ОБЩЕНИИ»

Заведующий балетной труппой Мариинского театра Юрий ФАТЕЕВ:

— Майя Плисецкая — это личность космического масштаба не только для балета, но вообще для искусства. Ее танец — нечто фантастическое, необъяснимое, будь то «Умирающий лебедь» или «Кармен-сюита». Я видел в записи Майю Плисецкую в «Бахчисарайском фонтане». Ее исполнение совсем не устарело, оно столь же эстетически приемлемо и актуально сегодня, как пятьдесят лет назад. В этом уникальность большого таланта. Майя Михайловна часто говорила, что балет есть и будет, что балет совершенствуется. Она сравнивала балет и спорт, говорила, что возможности человеческого тела еще не исчерпаны, что они безграничны.

— А какой она запомнилась вам лично?

— Это была великая балерина, к которой поначалу и подойти было страшно. Ведь это великая Плисецкая, она — как звезда, которая ярко горит на небосводе и притягивает своим блеском, но приближаться к ней опасно, ведь она может обжечь, ослепить своим ярким светом. Такой мне она представлялась... И вот в один прекрасный день Майя Михайловна сама подошла ко мне и заговорила. Мы стали общаться, и я мгновенно почувствовал, насколько это коммуникабельный, добрый, отзывчивый и внимательный человек. Несмотря на свое величие, она была очень проста в общении.

Когда она увидела в 2009 году премьеру «Конька-Горбунка», в

котором Царь-девицу танцевала молодая балерина Алина Сомова, то была настолько воодушевлена и обрадована ее исполнением, что сняла с себя какие-то уникальные серьги и подарила ей. Это было бесценным подарком и для Алины Сомовой, и для всех нас.

После этого Майя Михайловна смотрела этот балет еще не раз, практически все составы. И не переставала удивляться, каждый раз спрашивая: «Юрочка, откуда вы их берете? Каждая лучше предыдущей!» Думаю, что это — удел гениев: не жить прошлым, а жить сегодняшним. Она искренне восторгалась талантом молодых артистов, искренне радовалась успеху нашего театра и русского балета в целом.

— Вы вспомнили эпизод с Алиной Сомовой. Может быть, поделитесь еще какими-то воспоминаниями о том, какой Майя Плисецкая была в жизни?

— Майя Михайловна вместе с Родионом Константиновичем Щедриным приехала в Баден-Баден на представление балета «Анна Каренина». Во время спектакля Юрий Сmealов, ведущий солист, который танцевал Вронского, получил серьезную травму. Он все же сумел дотанцевать спектакль до конца. Майя Михайловна проявила удивительное сочувствие. И не успокоилась, пока не удостоверилась, что с ним все в порядке. Позвонила своему врачу, чтобы устроить в клинику. И потом довольно долгое время звонила в театр, интересовалась его здоровьем, стараясь помочь всеми средствами.

«ЕСЛИ ТЕ, КОГО ТАК НАЗЫВАЮТ, — ЗВЕЗДЫ, ТО ПЛИСЕЦКАЯ — ЭТО ПЛАНЕТА»

Валерий МИХАЙЛОВСКИЙ, заслуженный артист РСФСР:

— Мало сказать, что это потеря для нашей страны. Это потеря для всего мира. И в то же время — личная потеря. Чувствуешь себя обделенным, будто лишился в жизни чего-то очень дорогого, очень важного. Плисецкая — символ балета. Достаточно сказать только «Майя», и все понимают, о ком идет речь. Имя это давно ушло в народ: если танцовщик сделал нечто сверхъестественное, сам себя превзошел, ему говорят: «Ну, ты просто как Плисецкая!»

Майя Михайловна не только великая, гениальная (а сомнений в этом нет), она — революционер в балете. До ее появления считалось нескромным поднимать высоко ноги, прыгать высоко, слишком откровенно выражать в танце эмоциональность. А Плисецкая, владевшая баснословным прыжком, танцевавшая с невероятной смелостью, даже дерзостью, изменила такое отношение. После нее появилась целая плеяда балерин, в манере исполнения которых выдвинулось то, что было свойственно Майе Михайловне.

«Кармен-сюита» (балет Альберто Алонсо, сочиненный для Плисецкой, премьера состоялась в 1967 году в Большом театре. — Прим. «ВП») — фактически модерн в отечественном балете, воспринятый в то время неоднозначно. Несмотря на то, что я был очень молодым, я был свидетелем того, что далеко не все приняли такую Кармен, такую хореографию, такой стиль. Но после этого пошла какая-то новая волна в советском балете. Плисецкая танцевала спектакли на основе прозы, и это тоже дало толчок балетмейстерам. Мне кажется, тот же Борис Яковлевич Эйфман был вдохновлен этими опытами, и это укрепило его интерес к балетам на основе романов, к переводу литературы в балетную лексику.

Майя Михайловна уникальна еще и потому, что она так долго танцевала. Она доказала всем, что это возможно, это реально. Где-то после 60 она не танцевала спектакли целиком, но исполняла отрывки из балетов, номера, которые специально на нее ставились. Также Майя Михайловна ставила балеты сама и исполняла в них ведущие партии.

Балет — искусство быстро развивающееся, и редкие балерини, танцевавшие в 1950-е, выдерживали эстетику других десятилетий. Когда я смотрел, как танцует Майя Михайловна, мне казалось, что ее эстетика, ее стиль — на все времена. Но еще она была открыта новым веяниям, она поразительно впитывала достижения современного искусства — и менялась. Если посмотреть записи того же «Лебединого озера», отделенные друг от друга десятилетиями, можно подумать, что это две разные балерини.

На Плисецкую мечтали ставить — и ставили — великие балетмейстеры, включая Мориса Бежара и Ролана Пети. Когда я в первый раз увидел ее в «Гибели розы» Пети на музыку Малера, мурашки по коже побежали. Эти движения были подвластны только ей. В финале Майя Михайловна делала нечто такое руками, от чего возникало ощущение опадающих лепестков. Позже я видел «Гибель розы» в исполнении других балерин и убедился, что такое нельзя повторить.

Весь мир поклонялся и поклоняется Плисецкой. Ее появление среди людей — это всегда было что-то невероятное. Все сразу поворачивались к ней. Какая энергетика, какая шея, ка-

кая посадка головы, какой взгляд! В Японии к Майе Михайловне относились просто как к богине, ежегодно приглашали принять участие в гала-концерте, собранном из мировых звезд. Приглашали и в последние годы, когда она уже не танцевала. В конце гала она просто выходила на сцену, шла по ней — и зал рыдал. Когда я слышу слово «звезда» по отношению к Майе Михайловне и вспоминаю тех, кого еще так называют, то думаю: а не много ли у нас звезд? Если те, кого так называют, — звезды, значит, Плисецкая — планета. Великая планета.

Валерий ПЛОТНИКОВ, фотограф:

— На фотопортрете моей работы Майи Михайловны в стилизованном черном платье и шляпке с вуалью — это наряд от Пьера Кардена, созданный, кажется, для телефильма «Фантазия» по мотивам тургеневских «Вешних вод». Плисецкая там очень красивая, просто совершенная. Любопытно, что я снял ее на природе, а не в павильоне. Мне хотелось, чтобы зритель ощутил что-то от мирискусников, от Борисова-Мусатова или Серова. Да, съемка непременно должна была быть на натуре — это ведь так соответствовало самой Майе Михайловне...

Я слушаю сейчас какие-то воспоминания о ней и думаю, что люди сглаживают некоторые детали. Майя Михайловна была человеком сильным, резким, самостоятельным, сверхсамодостаточным, и отношения с ней легко могли обостриться. Я испытал это на себе, когда посоветовал ей «шиться» не у Кардена, а у Ива Сен-Лорана: я заметил, что, на мой взгляд, он острее, выразительнее. Но Майя Михайловна остановилась на Кардене, который, между прочим, создавал для нее костюмы безвозмездно. Да и потом, их связывали человеческие отношения, может, даже дружба.

Откровенно говоря, наше с ней общение было опосредованным — через Лиюу Брик и других. (А Плисецкая всегда пользовалась вниманием фотографов, ее снимал и сам Ричард Аведон.) Но, конечно, мы знали друг друга, более того, в свое время мне удалось запечатлеть деревянный особняк в

Майя Михайловна внесла огромный вклад в сегодняшнюю жизнь Мариинского театра. Она много общалась с солистами, репетиторами, с молодыми хореографами. Одно ее меткое слово порой заменяло огромное количество репетиций.

А как она читала стихи! Успокаивала меня, когда я читал критические статьи, говорила: «Юрочка, не расстраивайтесь! Давайте я вам Маяковского почитаю. И читала его стихотворение «Гимн критику». Помните?

От страсти извозчика и разговорчивой прачки
Невызванный детеныш в результате вытек.
Мальчик — не мусор, не вывезешь на тачке.
Мать поплакала и назвала его: критику.

— Она ведь приезжала в Петербург с Родионом Константиновичем и на его симфонические концерты, премьеры опер?

— Они всегда были вместе. Ему важно было ее присутствие на всех премьерах. Майя Михайловна была для него музой. Мне кажется, что все, что он делал, он делал для нее. Он очень трогательно заботился о ней. Я много раз наблюдал за этим, когда мы шли куда-то вместе. «Майечка, надень шапочку, закутайся, не простудишься». Или: «Осторожнее, держись за руку, здесь скользко». Такое нельзя подделать. Это был необыкновенный союз, необыкновенные отношения, чувства, которые они пронесли через всю жизнь.

Москве, в Гагаринском переулке, где Плисецкая жила в детстве. Тогда дом был цел и невредим, сейчас же его нет. Я все собирался показать Майе Михайловне эту съемку, но не успел...

Нина АЛОВЕРТ, мастер балетной фотографии и театральный критик:

— Совсем недавно Майя присутствовала на Пасхальном фестивале в Москве, где исполняла музыку ее мужа Родиона Щедрина. Мои московские друзья рассказывали мне, что она была очень оживленной, прекрасно выглядела, готовилась к своему юбилею.

Я сама на сцене ее почти не снимала, потому что вообще очень мало снимала в Москве. Из напечатанных сценических фотографий у меня есть только ее снимок в «Анне Карениной».

Познакомилась я с Майей уже в 80-х годах в Америке, в Бостоне. Она участвовала в концерте. С этим связан забавный эпизод: я шла по сцене — и подошла к ней, а она стояла рядом с Щедриным. Я должна была сделать ее портрет для обложки «Dance magazine». А я в это время на «Голосе Америки» делала передачу о западном балете. Я обратилась к Майе Михайловне, а Щедрин, с которым я тогда еще не была знакома, услышав мой голос, сказал, даже не обернувшись: «Нина Аловерт, «Голос Америки из Вашингтона». Вот что значит профессиональный слух музыканта! В Бостоне я снимала ее в гримуборной вместе с Родионом Константиновичем.

Затем я встретила с ней в 2000 году на торжественном концерте в честь ее 75-летия.

Это было в Сити-центре на 65-й улице, где скоро будет выступать балет Бориса Эйфмана. Тогда ей в подарок была сделана статуэтка по эскизу Шемкина.

Когда она так внезапно ушла от нас, я вспомнила древнюю восточную мудрость. Смерти не существует: пока мы живы — ее нет, она пришла — нас нет.

Подготовили Вячеслав КОЧНОВ, Евгений АВРАМЕНКО
и Борис ОСЬКИН

Фото Валерий ПЛОТНИКОВА